

КАЗАКИ И РОССИЯ

Потуги современных „казакицев“ с их бредовой идеей образования какой-то смешной „Казаккии“, могут ввести в легкое заблуждение только тех, кто не знает казачьей старины и ее быта. А эта казачья старина так красочна и так крепко связана с существованием России, что в страницах летописи этой старины тает, „яко воск от лица огня“, слюна агентов „казаккизма“.

Нужно полагать, что атаман — герой наполеоновского разгрома, генерал Матвей Платов, был не меньше преданный казачеству казак, чем „казаккицы“ 1961-го года. И вот этот генерал и казак Дона принимает такое наставление от своего отца, перед уходом на военную службу:

„Смотри, Матвей, служи Государю и Тихому Дону примерно! Помни меня: из простых казаков дошел я до чина войскового старшины, храбростью да примерной службой. Уповай на Господа Бога и Он не оставит тебя...“

По поводу слов отца Платова, что он из „простых казаков дошел до чина войскового старшины“ (т.е. подполковника русской армии) не лишне будет заглянуть в летопись казачьей старины и там увидеть еще одного „простого казака“, ставшего, как и Платов, графом и всероссийским героем.

Этот простой казак был из станицы Пятиизбянской, Донской области, и имя его — Федор Денисов.

Начал он службу рядовым казаком и за храбрость был произведен в офицеры. В войне со Швецией Денисов участвовал в чине бригадира, а когда, в 1788 году разбил шведское войско, предводительствовавшее самим королем, и захватил всю артиллерию шведов, то Императрица Екатерина II наградила Денисова титулом графа.

Дальнейшая его служба протекала в войнах с Польшей и Турцией. 161 неприятельское знамя взято было войсками Денисова, польский повстанец Костошко был взят им же в плен. И так Денисов (из рядовых казаков) дослужился до чина генерала от кавалерии и до всероссийской славы.

„Казаккицы“, конечно, не слыхивали ни о казаке Платове, ни о казаке Денисове...

Но, может быть, они слышали, что Дон был объявлен „самостоятельным государством“ 15 сентября 1918 года? Ну, конечно, слышали, — и не только слышали, но и упирают на это „самостоятельное государство“, как на теперешний миф о „Казаккии“! Но не дослышали „казаккицы“ всей правды об этой временной самостоятельности, провозглашенной для самозащиты от наседавших большевистских орд. А что это не моя выдумка, я приведу выдержку из постановления (декларации) Войскового Круга Всевеликого Войска Донского (верховой и законодательной власти) от 1919 года (июнь месяц):

§ 9. „Неотложной ближайшей заботой Войскового Круга считается заключение Юго-Восточного Союза в первую очередь с Терекком и Кубанью, для укрепления экономической мощи края, при дружном боевом сотрудничестве с Главным Командованием Юга России в деле осуществления общих задач по воссозданию единой, великой Родины-России.“ Подписали: Председатель Войск. Круга, В. Харламов. Секретарь Ф. Крюков.

И В.Харламов, и писатель Федор Крюков (баян казачьей старины) были казаками, не ведавшими никакой „Казаккии“, хотя и возглавлявшими Круг „самостоятельного государства“.

Но довольно говорить о злостных вымыслах агентов расчленительства казачества от России: это пугало никого не пугает! Гораздо интереснее раскрыть страницы казачьей старины, чтобы увидеть там и вековую связь с общей Родиной-Россией, и дух казачества, проникнутый верой православной и верностью Царю и Отечеству.

Вековая связь казачества с общей Родиной — Россией настолько крепка, что события даже из чисто казачьей жизни увековечены в чисто русских пословицах. Вот тому и примеры:

Около 200 с небольшим лет назад атаманом на Дону был Степан Ефремов, из знатного казачьего рода. Но, несмотря на свою знатность и высокое войскового атамана, Ефремов женился на простой казачке Мелании. Чтобы отметить это обстоятельство, он устроил богатейшую свадьбу с неслыханным великолепием и яствами. Пышность этой свадьбы заставила говорить о себе всю тогдашнюю Россию, отчего и произошла общерусская поговорка — „Напеки, наварили, как на Маланьину свадьбу!“

А когда умерла атаманша Мелания, то атаман устроил ей такие достойно-торжественные похороны, что

снова заговорила вся Россия и опять создалась поговорка в России: „Какова Маланья, таково и поминанье.“

Между прочим, популярность имени атамани Мелании Ефремовой была велика еще и потому, что она была любвеобильной, доброй и отзывчивой женщиной. Она основала на Дону даже и монастырь, названный в честь нее „Ефремовским“ (в г. Черкасске).

Связь казачества с Россией выявилась в создании и еще одной русской поговорки, которая имеет свое происхождение от случая, казалось бы, не подходящего для этой связи: когда атаман Кондратий Булавин (в 1707 г.) поднял бунт против Петра Великого, то Петр отправил на Дон несколько вельмож для увещевания Кондратия. Вместо переговоров, Булавин неожиданно ночью напал на штаб-квартиру царских посланцев и перебил их всех.

С тех пор в России сложилась поговорка: „Кондрашка хватил“, т.е. кто-нибудь умер неожиданной смертью от паралича.

Но казачья старина открывает нам и другие страницы своей летописи, в которых сверкают имена казачьи и своим блеском освещают былую славу общей Родины-России. Казачьи полки на полях битв сметали своей знаменитой „лавою“ непобедимую конницу Фридриха Великого, лучшую и непобедимую до толе кавалерию Зейдлица, Цитена, конницу великого Бонапарта, а на Кавказе вписали страницы славы в боевую историю России пленением Шамиля и Хаджи-Мурата. В Семилетнюю войну (1756-1763) донской атаман Краснощеклов поклялся, вместе со всеми войсковыми старшинами, первым войти в Берлин и там напоить в реке Шпрее своих донских коней. На своих старинных дедовских шашках Краснощеклов и старшины выбили клятву: „Благослови, Боже, в Шпрее коня напоить!“

Клятва их сбылась: 27 сентября 1760 года донцы первые ворвались с боем в Берлин и напоили своих коней в берлинской реке Шпрее...

Верные Вере, Царю и Отечеству, казаки черпали свои духовные силы из своего героического прошлого. А это прошлое особенно сияло славой веры, героизма и верности долгу в знаменитой эпопее „Азовского сидения“.

Ив. Лукаш, известный писатель начала эмигрантской эпохи, осветил былое казачьей старины именно в героизме „Азовского сидения“.

И. Лукаш, в своем „Казачьем письме“ так говорит в предисловии:

„Нигде в русской письменной речи нет более могущественных и прекрасных слов, чем последнее прощание казаков в Азове. По своей простоте и силе это „Письмо“ едва ли не равно «Слову о полку Игореве».

Казаки крепки были верой православной и всю надежду при осаде Азова возложили на Промысл Божий и на покровителя Азова — Иоанна Предтечу.

Ив. Лукаш приводит это трогательное „прощание“ казаков в осажденном Азове:

„Простите нас, Государи, Цари православные, простите нас, Государи-Патриархи вселенские, велите помянуть наши души грешные. Простите нас, Государи вси преосвященные митрополиты, вси архиепископы и епископы, вси священники и вси мниси (монахи) и вси христиане православные, и помяните наши души грешные.

Простите нас, поля чистые, дубравы зеленые, простите нас, Государи-Отец наш, тихий Дон-Иванович.“

После этого, детски простого и смиренного прощания 125 смертников-героев, все перераненные, взяли образа Иоанна Крестителя и Николы-Чудотворца и с зажженными свечами ринулись из крепости на турецкие ряды. Турки, видя такое героизма, пропустили уходивших казаков, певших молитвенные песнопения...

Закончилась эта казачья Иллиада тем, что дружина в 125 казаков добралась до родного Дона и там основала монастырь Иоанна Предтечи, а атамана своего, Михаила Татарина поставила в обители своей игуменом.

Нужно сказать, что эти 125 иноков были остатком тех 5000 казаков и 800 казачек, которые с 24 июня до 1 октября (св. Покрова) 1641 года, то есть три с половиной месяца выдерживали осаду турецкой армии в 300 тысяч человек!

„От пушек турецких в Азове стоял огонь и дым до неба“. Так писали казаки в своих записках об Азовском сидении. Но, несмотря на численное превосходство турок в 60 раз, казаки наносили им такие удары, что трупы турок горами лежали во круг стен Азова. Турки несколько раз просили перемирия для уборки трупов, но казаки всякий раз отклоняли их просьбы, подкрепленные золотыми червонцами. Казаки отвечали:

„Мертвыми трупами мы не торгуем“.

В обороне Азова героически участвовало и 800 казачек. Они варили смолу, кипятили воду и выливали ведрами со стен крепости на лезших турок. Дни и ночи, три с лишним месяца казачьи жены помогали своим мужьям в обороне Азова. Почти все они погибли там. По приказу Царя Михаила Федоровича имена этих героинь-казачек, как и атаманов поминались во всех церквях на Руси.

Казачки всегда были верны заветам казачьей старины. Им чужды и противны были модно-народнические революционные идеи, как и ложный демократизм передовой интеллигенции с ее атеизмом. Среди казачек не было типов Веры Фигнер, Засулич, Маруськи Спиридоновой и прочих безбожных истеричек от революции.

У казачки, как и у ее мужа-казака, было ясно, твердо и определено в сознании:

„На небе Бог, а на земле Царь!“

А что это было доказано делами, свидетельствуют казаки от Ермака до Каледина.

Кровь казачья, пролитая за Россию, даст всходы казачьего рода только тогда, когда будет читаться „на небе Бог, а на земле Царь“.

Революция знала этот символ казачьей веры и верности, а потому первым делом революции и были „штурм небес“ и расправа с казачеством.

Только Царь может вернуть казачество с его самобытностью к жизни и процветанию родного казачьего края на общей Родине — России.

ПЕТР МАР

Опубликовано: 12 апреля 2010 г.

(«Знамя России», Нью-Йорк, □ 211, июль 1961 г.)

Прислано Киевским Губернским отделом СРН